

Эн Ларри

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРИКА И ВАЛИ

Художники
А. Чукавин, И. Уварова

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л25

Ларри, Ян Леопольдович.

Л25 Необыкновенные приключения Карика и Вали : [сказочно-фантастическая повесть] / Ян Ларри; худож. А. Чукавин, И. Уварова. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 346, [6] с. : ил. – (Детское чтение).

ISBN 978-5-17-113714-4.

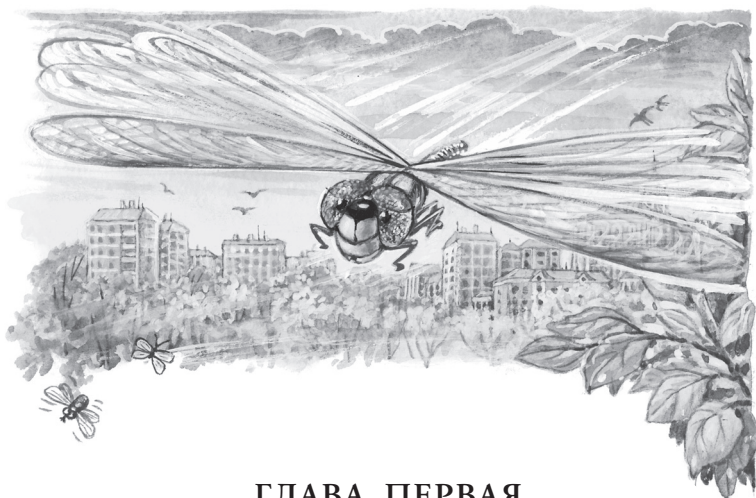
Однажды во Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства обратился Самуил Маршак с необычной просьбой: написать книгу о науке для детей. Например, познакомить ребят с энтомологией. Дело поручили Яну Леопольдовичу Ларри (1900–1977), который был в этом институте аспирантом, а параллельно печатал статьи для газет и журналов. Получившаяся рукопись очень понравилась С.Я. Маршаку, и он сам взялся за её редактирование.

Сейчас каждый ребёнок и взрослый имеет возможность познакомиться со сказочной повестью «Необыкновенные приключения Карика и Вали», где ребята, выпив волшебного раствора, уменьшаются до размеров букашки и попадают в удивительный мир природы, где обитают страшные насекомые, а опасность подстерегает на каждом шагу...

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ларри Я.Л., насл., 2025
© Уварова И.А., ил., 2025
© Чукавин А.А., ил., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Неприятный разговор с бабушкой. —
Мама беспокоится. — Джек идёт по горячим
следам. — Странная находка в кабинете
профессора Енотова. — Таинственное исчезновение
Ивана Гермогеновича.*

В тот час, когда мама накрывала белой скатертью стол, а бабушка резала хлеб к обеду, и произошли эти очень странные, удивительные, невероятные события. Именно в это время Карик и Валя уже летели высоко над городом в неизвестный мир, где поджидали их необыкновенные приключения.

— Вот и обед, — ворчливо сказала бабушка, — а ребята где-то собак гоняют. И где они — ума не приложу!.. Никогда не приходят вовремя... Раньше, когда я была маленькой...

— Ах, — сказала мама, — они и не завтракали даже. Голодные, наверно, как волки.

Она подошла к открытому окну, легла на подоконник.

— Кари-и-и-ик! Ва-а-а-а-ля-я! — закричала мама. — Идите обедать!

– Ну как же, – заворчала бабушка, – так они и спешат. Им, поди, не до обеда теперь. Ты обедать их зовёшь, а они, может быть, в затяжные прыжки играют. Им, может, не обед нужен, а «Скорая помощь».

– Какие ещё затяжные прыжки? Да и зачем им «Скорая помощь»?

– Да мало ли что может случиться с непослушными детьми, – сказала бабушка.

Она взяла клубок шерсти, вытащила из кармана фартука вязальные спицы и длинный недовязанный шерстяной чулок. Спицы засновали в её руках, вытягивая из клубка толстую шерстяную нитку.

– Ты Валерика знаешь? – спросила бабушка.

– Какого Валерика?

– Да один он у нас во дворе... баловник. Сыннок управхоза. Ведь что надумал... Достал где-то большой зонтик, устроил из него парашют и сиганул с балкона пятого этажа, как воздушный десантник.

– Ну и что?

– А ничего особенного. Зацепился штанами за трубу и повис вниз головой. Висит и орёт. Вызвали, конечно, «Скорую помощь». Врач посмотрел и побежал звать пожарную команду. С полчаса, наверное, висел... Ну, сняли, конечно. А он уж весь синий. Еле дышит. Врач ему и массаж сделал, и укол, а надо бы его ремешком полечить, чтобы не баловался больше. Вот какие они озорные теперь... Когда я была маленькой...

– Ах, – сказала мама, – Карик и Валя не будут прыгать с зонтиком. У нас ведь и зонтика-то нет.

– Ну, знаешь, ребята могут придумать что-нибудь и похуже зонтика. Вон в соседнем дворе один безобразник изобрёл подводную лодку. Сколотил её из бочки и опустил в яму с водой. Хорошо

ещё, что погружение это дворник заметил. Еле откачали озорника. А то недавно ещё трое космическую ракету запустили. Одному зубы выбило, а двум другим...

– Нет, нет, – замахала руками мама. – Не надо! И слушать не хочу... Ну что вы, в самом деле, пугаете меня.

И она снова подошла к окну и снова крикнула:

– Карик! Валя! Идите обедать!

– Когда я была маленькой... – начала бабушка.

Мама отмахнулась нетерпеливо:

– Да вы уж сколько раз рассказывали об этом.

Они не сказали вам, куда собираются пойти?

Бабушка сердито пожевала губами.

– Когда я была маленькой, – сказала она, – я всегда говорила, куда иду. А теперь такие дети растут, что хотят, то и делают... Хотят – на Северный полюс едут, а то и на Южный... Или, например, передавали недавно по радио...

– Что, что передавали? – поспешно спросила мама.

– А ничего! Утонул какой-то мальчик! То и передавали.

Мама вздрогнула.

– Ну, – сказала она, – это... это вздор! Карик и Валя не пойдут купаться!

– Не знаю, не знаю, – бабушка покачала головой, – купаются они или не купаются, не скажу, а только давно пора обедать, а их всё нет и нет. Где они?

Мама провела ладонью по лицу. Не говоря ни слова, она быстро вышла из столовой.

– Когда я была маленькой... – вздохнула бабушка.

Но что делала бабушка, когда была маленькой, мама так и не узнала: она уже стояла по-

среди двора и, щуря глаза от солнца, оглядывалась по сторонам.

Посреди двора, на жёлтой песочной горке, лежал зелёный совочек Вали, рядом валялась выцветшая тюбетейка Карика. И тут же, вытянув все четыре ноги, грелся на солнышке рыжий толстый кот Анята. Он лениво жмурился и так вытягивал ноги, словно хотел подарить их маме.

– Где же они, Анята?

Кот сладко зевнул, взглянул на маму одним глазом и перевернулся лениво на спину.

– Ну куда же, куда они делись? – бормотала мама.

Она прошлась по двору, заглянула в прачечную и даже посмотрела в тёмные окна подвала, где лежали дрова.

Ребят нигде не было.

– Ка-ари-ик! – ещё раз крикнула мама.

Никто не отозвался.

– Ва-а-аля! – закричала мама.

«Ав-ав-гав-гав-гау-у!» – взвыло где-то совсем рядом.

В боковом подъезде сильно хлопнула дверь. Во двор, волоча за собой гремящую цепь, выскочила большая остромордая собака овчарка.

Жирный кот Анята одним прыжком взлетел на поленницу дров.

«Тссс! – зашипел он, поднимая лапу. – Прош-ш-шу не ш-ш-шу-у-меть!»

Собака гавкнула сердито на Аняту, с разгона взлетела на горку и стала кататься по песку, поднимая густые столбы пыли, потом вскочила, отряхнулась и с громким лаем бросилась на маму.

Мама отскочила в сторону.

– Назад! Нельзя! Пошёл прочь! – замахала она руками.

– Джек! Тубо! К ноге! – раздался из подъезда громкий голос.

Во двор вышел, переваливаясь, толстый человек в сандалиях на босую ногу, с дымящейся папиросой в руке. Это был жилец четвёртого этажа – фотограф Шмидт.

– Ты это что же, Джек? А? – спросил толстяк строго и погрозил толстым пальцем.

Джек виновато вильнул хвостом.

– Экий дурень! – засмеялся фотограф.

Притворно зевая, Джек подошёл к хозяину, присел и, звеня цепью, старательно почесал задней лапой шею.

– Хорошая погодка сегодня, – приветливо улыбнулся толстяк, обращаясь к маме. – Вы не собираетесь на дачу? Самое время теперь – грибки собирать, рыбу ловить.

Мама взглянула на толстяка, на собаку и недовольно сказала:

– Опять вы её, товарищ Шмидт, без намордника выпустили. Ведь она же у вас настоящий волк. Так и смотрит, как бы кого цапнуть.

– Это вы про Джека? – удивился толстяк. – Ну что вы! Мой Джек и ребёнка не тронет. Он смирный, как голубь. Хотите погладить его?

Мама махнула рукой.

– Ну вот, только и дела у меня, что собак гладить. Дома обед стынет, в комнатах не прибрано, а тут ещё ребят дозваться никак не могу... И куда пропали – не понимаю. Ка-а-арик! Ва-а-аля! – снова закричала она.

– А вы приласкайте Джека, попросите его хорошенько. Скажите ему: «Ну-ка, Джек, разыщи поскорее Карика и Валю». Он их мигом найдёт.

Шмидт наклонился к собаке, потрепал её по шее:

– Найдёшь, Джек?

Джек тихонько взвизгнул и, неожиданно подпрыгнув, лизнул фотографа в губы. Толстяк отшатнулся, брезгливо плюнул и вытер губы рукавом.

Мама засмеялась.

– Напрасно смеётесь, – сказал Шмидт. Кажется, он очень обиделся. – Мой Джек – великолепная ищейка. Дайте ему понюхать какую-нибудь вещь Карика или Вали, и он найдёт их, где бы они ни были. Это же премированная ищейка. Он идёт по следам человека, как паровоз по рельсам. Дайте ему что-нибудь: игрушку ребят, рубашку, тюбетейку, – и вы сами увидите, какой он замечательный следопыт.

Мама нерешительно пожала плечами, однако, подумав, наклонилась, подняла с земли зелёный сопочек Вали и тюбетейку Карика.

– Ну что ж, – сказала она, – пусть понюхает. Это вещи моих ребят.

– Прекрасно! – потёр руки Шмидт. – Замечательно! Очень хорошо!

Он сунул под нос Джека сопочек и тюбетейку.

– Ну-ка, Джек, – скомандовал Шмидт, – покажи, как ты умеешь работать. Ищи, Джек! Ищи, собачка!

Джек взвизгнул, пригнул голову к самой земле и, вытянув хвост, побежал по двору широкими кругами.

За ним бодро мчался фотограф.

Добежав до поленницы дров, Джек остановился и вдруг, подпрыгнув, встал на задние лапы, а передние положил на поленницу. Нос Джека очутился перед мордой кота Анюты.

«Р-р-ра-аз-зо-ор-р-р-ву!» – зарычал Джек.

Кот вскочил, изогнулся в дугу и, сверкнув зелёными глазами, зашипел, как змея: «Меня? Ш-ш-ш-шалиш-ш-ш-шь!»

Джек попытался схватить его за хвост. Кот ощерился и закатил Джеку такую оплеуху, что бедный пёс завизжал от боли и от досады, но тотчас же оправился и с громким лаем снова кинулся на Анюту. Кот зашипел ещё громче, поднял лапу и закричал на своём кошачьем языке: «По-ш-ш-ш-ш-шёл вон! Заш-ш-ш-ш-шибу!»

– Ну-ну, довольно, Джек, – сказал сердито фотограф. – Не отвлекаться! – И он так сильно натянул поводок, что собака присела на задние лапы. – А теперь ищи!

Сердито тявкнув на кота, Джек побежал дальше. Он обежал весь двор, остановился у водосточной трубы и, шумно втягивая ноздрями воздух, посмотрел на хозяина.

– Понятно! Всё понятно, Джек! – кивнул головою фотограф. – Ты хочешь сказать, что они сидели тут и, наверно, играли с Анюткой? Прекрасно! Но куда же они пошли отсюда? Ну? Ищи, ищи, собачка!

Джек заюлил, завертелся волчком, поскрёб лапами землю под трубой, потом с громким лаем помчался к парадному подъезду.

– Ага, ага, вы видите? – крикнул Шмидт. – Он уже напал на след.

Шаркая сандалиями, фотограф вприпрыжку побежал за собакой.

– Если найдёте ребят, пошлите их домой! – крикнула мама и направилась через двор к воротам.

«Наверное, они в соседнем дворе», – подумала она и, уже не обращая внимания на Джекка и его хозяина, вышла за ворота дома.

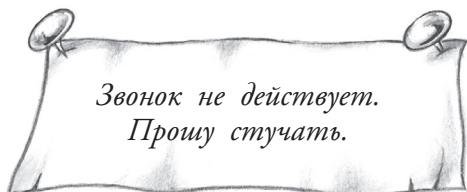
Натягивая с силой цепочку, Джек тащил толстяка по лестнице вверх.

– Тише, тише! – пыхтел толстяк, еле поспевая за собакой.

На площадке пятого этажа Джек на секунду остановился, взглянул на хозяина, потом, отрывисто твякая, бросился к дверям, обитым клеёнкой и войлоком. На дверях висела белая эмалированная дощечка с надписью:

ПРОФЕССОР
ИВАН ГЕРМОГЕНОВИЧ
ЕНОТОВ

Пониже была приколата записка:

Джек с визгом подпрыгивал, царапал когтями клеёнчатую обивку двери.

– Тубо, Джек! Тут просят стучать, а не визжать.

Фотограф Шмидт пригладил ладонью причёску, обстоятельно вытер платком потное лицо, потом согнутым пальцем осторожно постучал в дверь.

За дверью послышались шаркающие шаги.

Щёлкнул замок.

Дверь приотворилась. В щели показалось лицо с мохнатыми седыми бровями и жёлто-белой бородой.

– Вы ко мне?

– Простите, профессор, – смущённо сказал фотограф, – я только хотел спросить вас...

Но не успел толстяк договорить, как Джек вырвал из его рук поводок и, чуть не сбив профессора с ног, бросился в квартиру.

– Назад! Джек! Тубо! – закричал Шмидт.

А Джек уже громыхал цепью где-то в конце коридора.

– Извините, профессор, Джек так молод... Разрешите войти. Я сейчас же уведу его обратно.

– Да, да... Конечно, – рассеянно сказал профессор, пропуская в квартиру Шмидта, – войдите, пожалуйста! Надеюсь, ваша собака не кусается?

– Очень редко! – успокоил профессора Шмидт.

Фотограф переступил порог. Закрыв за собой дверь, он сказал негромко:

– Тысяча извинений! Я на одну минутку... У вас, товарищ профессор, должны быть ребята... Карик и Валя! Со второго этажа...

– Позвольте, позвольте... Карик и Валя? Ну да! Конечно. Прекрасно знаю. Очень славные ребята. Вежливые, любознательные...

– Они у вас?

– Нет! Сегодня их не было у меня.

– Странно! – пробормотал толстяк. – Джек так уверенно шёл по следу...

– А может быть, это вчерашний след? – вежливо спросил профессор.

Но Шмидт не успел ответить. В дальней комнате звонко залаял Джек и тотчас же что-то загремело, задребезжало, зазвенело, как будто на пол упал шкаф или стол с посудой. Профессор вздрогнул.

– Да ведь он перебьёт всё! – закричал он плачущим голосом и, схватив Шмидта за рукав, потащил за собой по тёмному коридору.

– Сюда! Сюда! – бормотал он, толкая дверь.

Как только профессор и фотограф переступили порог комнаты, Джек кинулся хозяину на грудь, взвизгнул и с лаем бросился назад.

Он носился по комнате, волооча за собою цепочку, обнюхивал книжные шкафы, вскакивал на

кожаные кресла, вертелся под столом, бестолково бросался из стороны в сторону.

На столе звенели, подпрыгивая, колбы и реторты, качались высокие прозрачные стаканы, дрожали тонкие стеклянные трубочки.

От сильного толчка качнулся, сверкнув на солнце, микроскоп.

Профессор еле успел подхватить его. Но, спасая микроскоп, зацепил рукавом сияющие никелем чашечки каких-то сложных весов. Чашечки упали, подпрыгнули и со звоном покатались по жёлтому паркетному полу.

– Что же ты, Джек, – угрюмо сказал фотограф, – оскандалился? Лаешь, а зря. Ну? Где же ребята?..

Джек наклонил голову набок. Насторожив уши, он внимательно смотрел на хозяина, стараясь понять, за что же его ругают.

– Стыдно, Джек, – неодобрительно покачал головой фотограф, – а ещё ищайка! С дипломом! За кошками тебе гоняться, а не по следу идти! Ну, пошли домой! Извините великодушно, товарищ профессор, за беспокойство!

Фотограф неловко поклонился и шагнул было к двери. Но тут Джек словно взбесился. Он схватил своего хозяина зубами за брюки и, упираясь лапами в скользкий паркетный пол, потащил к столу.

– Да что с тобой? – удивился толстяк.

Повизгивая, Джек снова принялся бегать вокруг стола, а потом прыгнул на диванчик, который стоял перед открытым окном.

Положив лапы на подоконник, он коротко, отрывисто залаял.

Шмидт рассердился.

– Тубо! К ноге! – закричал он, хватая собаку за ошейник, но Джек упрямо мотнул головой и снова бросился к дивану.

– Ничего не понимаю! – развёл руками фотограф.

– Наверное, мышь за диваном! – попробовал догадаться профессор. – А может, корка хлеба завалилась или кость? Я ведь часто и обедаю тут. – Он подошёл к дивану, отодвинул его от стены.

Что-то зашуршало и мягко шлёпнулось на пол.

– Корка! – сказал профессор.

Джек рванулся вперёд. Он протиснулся между стеной и отодвинутым диваном, завертел хвостом и, кажется, схватил что-то зубами.

– А ну, что там у тебя? Покажи! – крикнул фотограф.

Джек попятился, мотнул головой, круто повернулся к хозяину и положил к его ногам детскую стоптанную сандалию.

Фотограф растерянно повертел находку в руках:

– Кажется, детская обувь, так сказать...

– Гм... Странно, – сказал профессор, разглядывая сандалию, – очень странно!

Пока они вертели в руках находку, Джек вытащил из-за дивана ещё три сандали: одну такую же и две поменьше.

Ничего не понимая, профессор и толстяк смотрели то друг на друга, то на сандали. Шмидт постучал согнутым пальцем по твёрдой подошве одной сандали и неизвестно для чего сказал:

– Крепкие! Хорошие сандали!

А Джек между тем вытащил из-за дивана синие трусики, потом ещё трусики и, прижав их лапой к полу, негромко тьякнул.

– Это ещё что такое? – совсем уже растерялся профессор.

Он нагнулся и протянул к трусикам руку, но Джек, оскалив зубы, так зарычал, что профессор поспешно отдернул руку.